

К 18

ВАСИЛИЙ
КАМЕНСКИЙ

34189

СТИХИ И ПОЭМЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЗАРЯ ВОСТОКА»

ИЗДАНИЯ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Р.С.
Б

1941-1945

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ

С Т И Х И
И
П О Э М Ы

Издательство „Заря Востока“
Тбилиси—1945 г.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ВАСИЛИЯ КАМЕНСКОГО

Поэту Василию Васильевичу Каменскому исполнилось в этом году шестьдесят лет. Из них почти сорок относятся к его писательской биографии, к большому пути, который он прошел в русской литературе, в литературе советской эпохи.

Творчество Василия Каменского—самобытное, оптимистическое, радостно утверждающее нашу советскую жизнь, проникнутое высокими патриотическим чувствами, близко и понятно советскому читателю. Окрашенные чудесным песенным даром, живым народным говором, расцвеченные жемчужинами народной мудрости, стихи Каменского проникают глубоко в душу, волнуют своей свежестью, взволнованным ощущением жизни.

Родина поэта—Урал. Здесь в 1905 году он принимает участие в революционном движении тагильских рабочих и печатает свои первые стихи на гражданские темы.

Дальнейшая литературная деятельность Каменского протекает в основном в Петербурге и Москве.

В творческом содружестве, начавшемся в 1912 году и никогда не порывавшемся, Каменский с Маяковским выступают в русской поэзии смелыми новаторами, зачинателями российского футуризма. Движение, которое возглавили в литературе Маяковский и Каменский, разворачивалось как протест против мертвечины эстетствующего буржуазного искусства, оторванного от жизни, от народа.

В годы первой мировой войны Василий Каменский выступает с поэзией о народном герое Степане Разине. В Разине поэт нашел и утвердил образ своего любимого героя — борца за народное счастье, эпического богатыря, воплотившего в себе лучшие черты талантливого и вольнолюбивого русского народа.

В условиях нарастания новой революционной волны грозный посвист понизовой вольницы „Сарынь на кичку!“ живо подхватывался молодежью, будоражил умы. Реакционная критика грозила поэту за „Степана Разина“ нагайкой и перекладной.

Стремление к вольности, к завоеванию светлого будущего для своего народа, характеризу-

ющее дореволюционное творчество Каменского, привело его в русло революции, к осознанному участию в классовой борьбе на стороне пролетариата. Октябрьскую революцию поэт принял как свое родное, кровное дело, вошел в нее как в желанную, давножданную стихию. В своей автобиографии он пишет: „С первых же дней активно встал на путь власти Советов, ибо видел в пролетарской революции социальную правду, возведенную Лениным“.

А. В. Луначарский вспоминает о работе Каменского в тот период: „Он чрезвычайно много выступал на широких народных собраниях и украшал их своим узорным, летучим, звенящим словом. Он написал первую производственную пьесу — „Паровозную обедню“, он написал первую революционно-историческую пьесу — „Рафин“. Его сразу и сильно полюбили. Он стал известен и Владимиру Ильичу, которому его поэзия нравилась“.

Среди поэтов Каменский был в числе немногих, которые без колебаний перешли на сторону Октября и сразу же поставили свое творчество ему на службу. „Надо было иметь много мужества, чтобы выступить в литературе в ночь на 25 октября на стороне большевиков“, — писал Каменскому много лет спустя писатель Всеволод Вишневский.

„Вы, вместе с Маяковским, выступили, — схва-

тилиев со всеми врагами революции, отдав себя и свой талант поднявшемуся народу”.

Горячая любовь поэта к родной стране неизменно побуждает его обращать пытливый взор к ее истории, к истокам героизма русского народа, подмечать то преемственное, что роднит нашу современность с событиями давно минувших дней. Вслед за „Степаном Разиным“ Каменский создает „Емельяна Пугачева“ и „Ивана Болотникова“ — произведения, занимающие центральное место в его творчестве, произведения, в которых с большим художественным мастерством воскрешаются страницы мужественной борьбы народа за свое счастье, за лучшую долю. Тема героического прошлого русского народа, его богатырской мощи, доблести и славы находит новое свое выражение в поэме „Ермак Тимофеевич“, над которой работает сейчас писатель.

Исторические поэмы Каменского живо перекликаются с нашей сегодняшней действительностью.

Так, рисуя Урал времени Пугачева, поэт показывает, как складывались боевые традиции Советского Урала—кузницы нашей победы, край неиссякаемой трудовой доблести.

„Уральские заводы,
Рабочие заводы

Работали по дням и по ночам
Уральские заводы—
Веселые заботы:

Пушка-ядра лили пугачам.
Уральские заводы
Шахтерные своды
Тряслись от навороченной руды.
Уральские заводы
На яростные годы
Несли на бой рабочие труды“

Урал наших дней, Урал, воссозданный мудростью Сталина, Каменский прославляет во многих своих стихах и поэмах. Поэт гордится своей родиной — Уралом, его широкими просторами, его рекой—красавицей Камой, лесами, неисчерпаемыми сокровищами уральской земли, огнями гигантских заводов, могучей силой уральцев.

Чарующую силу стихам Каменского придает тонкое ощущение уральской природы, те образы и картины ее, которые поэт рисует с подкупающим вдохновением, с подлинно художественным мастерством.

И такой же любовью, какой любит Каменский Урал, он любит всю свою страну, всю советскую землю:

„Верный сын и поэт,
Я страну свою,

Жарко любимую,
Во весь солнечный свет,
Как поэму творимую,
Возношу,—

Мую родину счастья любимую“.

Тема сталинской дружбы народов проходит через все творчество Каменского. Много стихов он посвятил Грузии, которую крепко полюбил еще в дни своей литературной юности, когда впервые приехал сюда с Маяковским. С тех пор,— пишет поэт.—

„По жизненной тропе большой
Певцом шагая много лет,
Всем сердцем, всёй душой,
Всей творческою новью
Я связан с Грузией
Неисчерпаемой любовью“.

Грузия влечет поэта своей щедрой и величественной природой, „доблестью воинственных сынов, прославленных отвагой“, „мудрым звоном струн Руставели“, красотой сегодняшней советской действительности.

В дни отечественной войны мысль поэта устремлена к защите своей родины, к организации победы над фашистскими захватчиками. В целом ряде стихов высокого патриотического подъема он славит гений Сталина, доблестную Красную

Армию, героический советский народ, в боях и труде идущий к победе.

Поэт большого вдохновенного звучания, Каменский неустанно стремится к широкому общению с народом. Писать для народа, быть его певцом, говорить его языком, воспитывать в советских людях любовь к своей отчизне,—в этом он видит назначение своей поэзии. По этому пути идет Каменский—и в этом его большая заслуга, как советского писателя, как гражданина своей родины.

За выдающиеся заслуги в области художественной литературы В. В. Каменский награжден орденом Трудового Красного Знамени и орденом „Знак почета“.

Б. Корнеев.

ПОБЕДНЫЙ МАЙ

Дорогами войны
По изумрудным нивам,
Разливом солнечным
Из края в край
Идёшь ты к нам
Гонцом счастливым,
Любимый наш,
Победный май.
И мы тебя
Встречаем песней,
Какой встречали
Каждый год.
Но кажется ещё прелестней

НАРОДНОЕ ДЕЛО

Советский заём—

Наше, народное дело.
Родине с радостью каждый
Даёт займы,
Чтобы Родина наша
Счастьем алела,
Чтобы счастливы с нею
Были и мы.

В советской семье нашей,
Дружной, могучей,
Каждый живёт

Только мыслью одной:
Как бы сделать всё
Крепче да лучше,
Чтобы солнечной вечно
Ходить стороной.

Сегодня заём—путь
Грядущей победы.
Это значит—нам надо
Отчизну крепить

Оружием грозным,
Крепким, отменным,
Чтобы нечисть вражью
Крепче бить.

Наш заём—фронту
Больше орудий,
Красной Армии—больше
Танков, гранат.
Это значит—силы
Нашей прибудет
И скорее фашистский
Завоет гад.

Нас отчизна к победе
Властно зовёт,
А любовь наша к ней—
Без предела.
И сегодня стране
Кто займы отдаёт,
Всенародное
Делает дело!

СЕВАСТОПОЛЬ

Под шелковым шатром голубизны
Шумит торжественное море.
Салютом праздничной весны
Прибой в безудержном напоре
Бьёт берег крымский, где герой—
Наш Севастополь легендарный—
Несдвинутый стоит горой,
Несломленный ордой коварной.

О, город, славой озарённый,
Воспетый в песнях ратных дней,
Ты был и есть непокорённый,
Ты только стал ещё сильнее.
Дней грозных схваток—не забыть их
В далекой поступи веков,
Здесь в каждом камне гул событий,
На всём здесь доблесть моряков.

Проходят дни грядой приливов,
И в громе грозном батарей
Мы слышим—адмирал Нахимов
Матросов славит наших дней.

Фашистский сброд напрасно метил
В советских гаванях засесты!
Нет. Севастополь снова светел,
Морской державы нашей честь.

Опять стоят на рейде нашем
Под дымкой серой пароходы,
И моряки победным маршем
На берег сходят взвод за взводом,
И песня моря льется с песней,
Что вторит морю каждый тополь,
И кажется ещё чудесней
Сегодня гордый Севастополь.

Года пройдут над степью пылью,
В веках утихнет гул орудий,
Но севастопольскою былью
Гордиться правнукам мы будем.
Сияй же, город—крепость наша,
Гранит содружества народов,
Ты стал любимее и краше
В эпоху сталинских походов!

ЮНОСТЬ СОВЕТСКАЯ

Юность советская!

Она, брат, чудесней
всяких фантазий
и удивительных снов,
она расцветающей
утренней песней
зовёт на трибуну
счастливейших слов:

Молодость!

Юность!

Весна революции!

Ленин и Сталин—

наша любовь!

Новые люди

стремительно рвутся!

Новая родина!

Вся страна вновь!

Новое, новое!

Бурно взрастили

заново мир,

и этот мир—наш!

Приступом взяли

горы Бастилий

под большевистский

стремительный марш.

Строим и строим!

Деревянная Русь

стала страной

металлической,

Откатилась церковная,

полицейская гнусь

вместе с монаршим величеством.

Кончилась старость,

чтоб чорт её взял!

Чудесная

юность явилась,

и жизнь, как гигантский шумящий вокзал,

А мы уж
 всю страну любви
покрыли новизной,
и весь Союз,
 как май, обвит
цветами
 и весной.

И мы, кому
 довольно много зим,
летим вразлёт,
 и наш порыв
 ничем не отразим.

Пример: я сам.
 Полсотни мне,

но я чертовски юн.

Сверкая
 в трепетном огне,
верчусь, как малый вьюн.
Сюда, туда,
забот полно
 и надо всё успеть,
и ради милого труда
успеть и песню спеть.

И я пою.

А дел кругом,
ну, прямо—целый воз!

И я иду,

лечу бегом
по всем делам в колхоз.

Оттуда в школу,

в сельсовет,
на почту и в сельпо.

В деревне ныне счастья свет
не видит лишь слепой.

Кругом дела!

Не говорю,
что тянет на реку,—
встречать вечернюю зарю
приятно рыбаку.

Да, я рыбак,

охотник тож,
поэт и агроном.

Суди же сам

и подытожь,—
завертишься вьюном.

несутся,

да не тише,

по всей стране в концы.

И вся страна—

такая же

задорная враздоль.

Она по самый краешек

молоденькая столь,

что мне ли,

мне ли, мальчику

двадцати годков,

не стоптать

удальчику

отчаянных подков?

Это юность!

Это родина!

Счастливая страна!

Как девушка любимая,

прекрасна и стройна.

Как солнце восходящее

праздником с утра,

так родина советская

во младости мудра.

Мудростью,

раздольностью

раздуты паруса,

расцвечены

привольностью

поэтов голоса.

И мы поём

как шторм в порыв.

сердца и рты открыв,

И мы поём

что духу есть,

за родину и честь.

Мы все поём,

весь край поёт

на весь чудесный свет —

об юности поёт полёт,

где в звёздах

тает след:

Мне двадцать лет!

Вам двадцать лет!

Всем только двадцать
лет!

1937 г.

УРАЛ

Родной Урал!

Любимый мой Урал!

Стальной Урал!

Лесной, золотой Урал!

Я всю бы жизнь

орал, орал

про твой металл—

богатство недр,

я бы набрал

охапку самоцветов

и разметал

по всей

Стране Советов.

На! Блести, страна,

гори в лучах огнистых

топазов,

хризолитов, аметистов!

Играй, хрусталь,

звени, уральская

испытанная сталь!

Я бы хотел взгреть
про золото, про медь,
про платину и нефть,
про большевистский наш
чудесный Уралмаш,
про новые заводы-города,
про уголь и леса, леса...
Душа моя

уральская горда!

И мысли—

будто небеса

синют в высоте,

когда, взволнованный,

я говорю о красоте

любимого Урала

в эти дни

стремительных побед—

ведь весь Урал,

весь заново одет,

весь дышит новизной, весной

и легендарностью

страны лесной,

где горы—

залежи металла,

где жизнь

фонтаном заиграла.

Ну, как не полюбить Урала!

Люблю!

И россыпью золотиносной,

как проливным дождём,

готов развеять

сердце в тосты,

готов кричать:

мы подождём,—

еще немножко, и тогда

счастливые года

обильного труда

поднимут нас

к вершинам

великолепного житья—

раз навсегда.

Железная руда,

которой не исчерпать,

да будет нам порукой
без промаха и без ущерба!
И больше, выше
мы с гор
уральской крыши
со сталинским
огнем в груди
видим
свой Урал
могучим, богатейшим впереди.
Эй, процветание, гряди
и достижения утрой,
лей сталь
в стальной
непобедимый строй.
Греми, Урал, железом—
трудом рабочих рук,
шуми еловым лесом
во весь простор вокруг.
Блести камнями—златом
и мрамором в дворцах,
где наша жизнь раскатом
звонит в больших сердцах.

Ликуй, Урал, ворочай,
 крепи культуры новь,—
колхозник и рабочий
 тебе свою любовь
и труд, и быль, и кровь
 несут на суд
борьбы за счастье,
 за ленинское знамя.
А это счастье—
 с нами.

Урал! Урал!

 Вот, скажешь это слово—
как будто песнями
 оденешь жизнь свою.

И хочется запеть, и снова
петь. И вот пою, пою,
как птица,
и не могу
 никак остановиться,
и не хочу.

И так все годы—
 напролёт полвека.

что выше

Тёплой той Горы
моя любовь—

чудесного разлива.

И в этот час,

взирая на далекий мост—
от прошлого

до большевистских дней,
я поднимаю свой

уральский тост
на высоту восторга,

откуда мне видней
великая основа
сияющего слова.

Я вижу свой Урал

отныне обновленным,
торжественным,

шумящим, молодым,
и вместе с ним ликую,

в жизнь влюбленным,
вкушая бытия

обильные плоды.

наш путь велик

и радостно огромен.

И мы не устали,

нет!

За двадцать лет

борьбы и гордого труда

мы закалились в сталь.

И наш запас — руда.

Люблю Урал

за эту мощь крутую,

за металлическую быль

еловых гор,

за кровь камней,

за жилу золотую,

за смолевою,

сосновый бор,

за лес густой,

отчаянно медвежий,

где дичь и зверь,

и где охотник-леший —

вроде меня —

готов бродить
и днями и ночами,
лишь бы только встретиться
с медвежьими очами,
и, отдыхая на привале,
размышлять спокойно
о родном Урале.

И после на работе
вспоминать
лесную падь,
костра смолистый дым
и чувствовать себя
взволнованным и молодым,
как весь Урал кругом,
охваченный стремительным
трудом...

Так воля Сталина
нам счастье собирала,
ковала мощь
любимого Урала!
Пусть я — поэт,
но всё же силы мало,

чтоб развернуть

огнями самоцветов
слова любви о дорогом Урале
на всю Страну Советов.

1935 г.

ПОЭМА О КАМЕ

Ещё в далеком детстве
Полюбил я Каму,
Полюбил крутые лесные берега.
И с тех пор в лугах приветствий
Мой привет—
Тебе, красавица река.

Не знаю, сколько лет
На свете мне прожить дано,
Но не забуду я одно—
Давно хочу признаться в этом:

Кама, Кама, Камушка,
Не знаю, право, сам, уж как
Сделала меня поэтом.

От буксирной пристани —
До буксирной истины,
От черных баржей —
До плотов, до кражей —

И вообще:

Мосты, этапы, звенья,
Перелёты, корабли
И прочее.

Жизнь орбита — краток круг.
Карта бита — берег крут.

Камой течёт отчёт.
Мудрость осталась.
Воля горит звездой,
Юная усталость
Из песен свила гнездо.

Стоп.

Жизнь пришла от щедрой Камы
С вешним буйным половьём,
И теперь, резвясь, слегка мы
По теченью поплывём.

Пожалуйста, садитесь ко мне в лодку,
Я сам на вёслах
И сам я буду петь.

Мою луженую забористую глотку
Хранит бывалая в боях словесных
медь,

Ну, братцы, начинайте, чуть
Станем браться
За весёлый путь.

Ну, сестрицы, подтягивайте тоже,
Кама серебристая,
Мы серебримся тоже.
Эй, чайки снежнокрылые,
На лодках рыбаки,
Друзья, матросы милые
Раздольницы реки.

Гулять, кататься велено,
Кто молодостью сыт.
Кругом под небом зелено
От солнечной красы:

Мать, Кама синеокая,
Как вороная сталь,
Блестит, зовёт широкая
На пароходы вдаль.

И я, послушный сын реки,
Призывностью горя,
Изведал с легкой той руки
Все суши и моря.

И вот вернулся снова я,
Скитаньями обвит,
А Кама та же новая—
Дороженька любви.

Те же чайки снежные,
Та же в волнах взмывь,
Лишь моя мятежная
Затихла в бурях былъ.

Но не затихли песни ярости,
Рожденные на Каме,
Не будет, знаю, старости
На лодках с рыбаками.

Костёр, как меч,
Огнист, остёр,
Костром я жизнь простёр,
И мой огонь, и мой шатёр,
Мой мир и мой простор.

А у шатра сетей набор —
Рыбацкое шитье.

Топор.

Собака.

И ружье —

Охотничье житье.

Эх, Кама, Кама, Камушка,
Крутые берега,
Спасибо тебе, мамушка,
Сердечная река.

Не ты ли в путь заряженным
Отправила враздоль,
Чтоб я навек снаряженным
Остался верным столь.

И я остался, быстр, текуч
И полноводен зной,

Как твой размах велик, бегуч
Гремучею весной.

Вижу: Кама в половодье
Поднялась из берегов,
Эта радость—новогодье
Жизни трепетных лугов.

Лодочка—качалочка,
Лодочка—причалочка,
Лодочка—волнующий приют.

Сверху, снизу, издали,
Издали все пристани
Пароходов ждут.

Эй, вы, пароходы,
Свистите соловьями,
Сверкайте лебединой белизной.
Камушка, гордись
Лихими сыновьями.

Матросами, рабочими
Страны, реки лесной.

Ты посмотри на загорелость,
На обветренные лбы,
На золото кудрей,
Ты оцени любовь и смелость,
Насыщенность хвальбы
И мускулы чугунных якорей.

И ты скажи по чистой совести:
Камского разлива вверх и вниз
Мы ли недостойны колесо вести
Штурвала парохода „Коммунист“.

А если так — дороженькой зеркаль-
ной,
Ты, Кама, приведи пристать туда,
Где пристань новая
Красуется сверкально —
Здесь торжество труда.

О, мы горды настойчивостью дружной,
Напором строящих великих масс,
И ничто на свете

Рати всеоружной
Не собьёт с пути
Собратий нас.

Эх, ты, Камушка, Камушка, мать,
Синеокая наша красавица,
Помоги нам здоровье вздымать,
Кого наша затея касается.

Суди сама, слушай.
Как же не быть поэтом,
Когда я, пермяк-соленые уши,
Разливаюсь закамским приветом.

Песню свою голубым разолью
навсегда.

Песню свою
Не хочу соловьям отдать.

Каждая пристань по-флотски
Мне сродни по канатам,
Каждый свисток пароходский
Мне приходится братом.

Я родился и вырос на Каме
И желал быть матросом,
Но...
Как видите—
Стал боевым стихоносом.

Чтоб работа моя
По широким рекам
Приставала к крутым берегам,

Я бы хотел бы
К труду рабочих блуз
Прибавить свою песню—
Радостный свой груз.

Я знаю, что Кама,
Что Волга—наш почёт,
Я знаю, что река наша
Без песен не течёт.
Ну, так лети, моя лодка,
На веслах лет—стрела,
Броско на ходко,
Проворно весела.

Мне бы в пути бы—
Жизнь мою нести,
Я бы не знал бы
Пределов юности.
Плыл бы, летел бы
Серебряным крылом,
Водникам-строителям
Светил бы напролом.

Поэтому поэту
Не кончить своих слов,
Что нет конца привету,
Пока в руках весло.

НЕ МОГУ БЕЗ ТБИЛИСИ

Приехал и рад.
Тбилиси, вокзал.
В улицах встретила мысль...
Куда-то взглянул,
что-то сказал.
Улыбкой окинул высь.
Странная вещь.

Северный, русский,
Уральский, ну хоть на-показ.
А вот, поди-ж,
мир кажется узким,
Если не видеть Кавказ!
Будто грузин,
не могу без Тбилиси,—
И я упоительно горд.
Верно, для сердца
живая теплица
Здесь—среди мудрости гор.
Вечность сиянья!
Крылья орла,—
Полёт навсегда поднебесен.
Нет! на зимнем Урале,
где кровь замерла,
Не найти огневеющих песен.
А я ведь поэт—
перелётная птица,
Путь прямой горизонт отольёт.
Это мне по ночам
беспокойно не спится,

Когда птицы зовут на отлёт!
И так каждую осень,
 и каждый раз,
Крыльями в далях белея,
Улетаю с Урала,
 лечу на Кавказ,
Сюда, где жить теплее!
И стал этот край
 родным гнездом —
Меткости снов прелестней.
Здесь благодатный,
 причальный дом,
Здесь неисчерпные песни.
Огороженный солнцем,
 стражей хребта,
Я готов свет и дар нести,
Чтоб никогда
 не грустить, не роптать
Над долинами дней утрозарности.
В этом — суть,
 Приехал и рад:
Тбилиси сверкает новью.

Жизнь сочна,
как во рту виноград,
Жизнь преисполнена зорью!

1931 г.

ЮНОСТЬ МАЯКОВСКОГО

Я знал его юность—

она горячо
изливалась из горла вулкана.

А страсть его к жизни—

крутое плечо—
силой была великана.

Ему бы ворочать

устои основ
буржуазного старого мира,

сваи вбивать

кулачищами слов,
жестом борца-командира.

Ему бы впрягать

табун дней в колесницу

и гнать эти дни
на великий пролом
туда, где раздолье
победами снится,
где воля его
взмывает орлом.

Таким и родился
в хребтах на Кавказе—
жгучий, как солнце,
и остр, как кинжал.

С кровью,
бурлящей Рионом в экстазе,
будто с вершин
ураганом сбежал.

Таким его встретил—
не верилось даже—
бунтующим юношей
былой кутерьмы,
с большевистским зарядом,
в стремительном раже
вырванным вихрем
из Бутырской тюрьмы.

Это и сблизило:

в бунте искристом
каждый из нас
был напорно-ретив.

И вот Маяковский

рванулся на приступ—
драться за новую жизнь
впереди.

Драться—так драться!

оратор таковский—
в желтой кофте,

кулак подымая,
тигром рявкал:

—Я—Маяковский,
„люблю грозу
в начале мая“.

Так и пошло

по весенним лужкам
бродить

половодье, бушуя.

Кистени зазвенели

по дряблым башкам

мещанина,
эстета,
буржуя.

В восторгах сгорали
ватажной гурьбой.

Мы видели рост его—
рост исполина,

мы слышали голос—
сигнал трубача,

мы вместе шагали
цветущей долиной,

жили, трудились,
боролись, рыча.

Друг и товарищ—
Володя Маяк—

он был
зажигающий парень.

Широкий затейщик,
словесный вояк,—

всегда
в баррикадном ударе.

Верстно шагал он
по времени улицам,
гулко отмеривал
поступь свою.

Бился усиленным
трепетным пульсом,
жарко сгорал
в непрерывном бою.

Юность бурлила,
юность взывала,
юность швыряла его
по углам.

Он в ожиданьи
девятого вала
рвался низвергнуть
воинственный хлам.

И когда загремел
марсельезный февраль
и потоками
двинулась масса,—

Маяковский сказал:
—не пора ль

жить—

поэмы ковать

для рабочего класса?

С этих дней

и потом до конца,

когда шторм

Октября прозвучал,

жизнь не знала

певца-кузнеца,

такого, как он,

силача.

Гигантом вошел он

в открытые двери

пролетарского мира,

во славу побед.

И каждый, кто видел,—

почуял, поверил,

что Маяковский—

бессмертный поэт.

Такие проходят

однажды в эпоху

и, засучив рукава,

начинают свой труд:

могучего творчества

каждую кроху
глыба за глыбой

на здание прут.

Прут и прут,

пока не вольются

в здание цели

торжественным разом,

строят упорно

они революцию,

культуру и мысль—

коллективный разум.

Такие приходят

под звон перезвонца

усталых сердец,

чтобы бодрость поднять.

Такие приходят

с глазищами солнца

для света энергии,

для вечного дня.

Таким и пришёл

Маяковский Владимир

с фабрикой слов—

и давай заседать,
чтобы мы, как в поэмах,

цвели молодыми
и молодыми остались бы

жить навсегда.

СТЕПАН РАЗИН

ДРОЖАТ БЕРЕГА

Дрожат берега,
Берегут берега,
Стерегут рога врага.

Ага. Чу!

У врагов —

Купцов, князей, бояр —

Мы добудем парчу,

Золотой да соболий товар.

Чуй. Едут!

Меж крутых берегов,

Среди гор - стариков

Атаман прогремел в барабан:
Меж крутых берегов
Стая быстрых стругов
Окружает большой караван.
Ночь — темна.
Кровь — хмельна.
Жизнь — вольна,
Да неволит на Волге волна:
Эй, сермяжники,
Беритесь за привычку —
Дорогих гостей встречать.

Эй, гуляй, —

Сарынь на кичку.

Наворачивай сплеча.

Драли, жали бары долго
Крепостную голытьбу.
А теперь бунтует Волга
За сермяжную судьбу.

САРЫНЬ НА КИЧКУ.

На струг вышел Степан,
Сердцем яростным пьян.

Волга — синь - океан.

Заорал атаман:

„Сарынь на кичку!“

Ядреный лапоть

Пошел шататься по берегам.

Сарынь на кичку!

В Казань! В Саратов!

В дружину дружную на перекличку,

На лихо лишное врагам!

Сарынь на кичку!

Бочонок с брагой

Мы разопьём у трёх костров,

И на привольи волжском вагой

Зарядим пир у островов.

Сарынь на кичку!

Ядреный лапоть,

Чеши затылок у подлеца.

Зачнём с низовья

Хватать, царапать

И шкуру драть — парчу с купца!

Сарынь на кичку!

Кистень за пояс,

В башке зудит разгул до дна.

Свисти! Глуши!

Зевай! Раздайся!

Слепая стерва, не попадайся!

Н-на!

Сарынь на кичку! —

Прогремели горы,

Волга стала шибче течь.

Звоном отзвенели

Острожные затворы,

Сыпалась горохом

По воде картечь.

ВЕРШИННЫЙ ЗАВЕТ

Чуял Степан,

Как чесались руки,

Как пир побед

На простор хлебосолон.

Видел Степан,

Как вздымались струги

На груди

Разметавшихся волн,
Выходил атаман
На высокий утёс
Думать думы свои на яву, —
Там на крыльях он нёс
Свой вершинный завет —

Голытьбиный

Поход на Москву:

Не для того ли затеи задумные
На утесе рожаем высоком,
Чтобы наши победушки шумные
До Москвы докатились наскоком?
Ты запомни, утёс,
Нашу реченьку слёз.
Не для того ли мы,
Кровью забрызганные,
Голой ратью идём напролом,
Чтоб сиротские души, измызганные,
Встрепенулись полётным крылом?
Ты запомни, утёс,
Нашу реченьку слёз.
Не для того ли мы

Головы буйные

Раскачали в была - не - была,

Чтобы наши разбеги ушкуйные
перелить в славу - колокола?

И ты помни, утёс,

Нашу реченьку слёз, —

Отпусти, снаряди

В час грозовья.

Ты поведай, утёс,

Как бунт волю развёз

С понизовья.

За народ обездоленный, бедный,

Да за Русь — за сермяжку свою —

Я о том,

Что изжито - изведено,

Со слезами о воле пою.

Для меня воля вольная слаще

И пьянее любви и вина, —

Лишь бы жизнь молодецкая чаще

Была дружбой единой сильна.

Я для дружки родился

Могуч и ядрён,.

Чтобы мой жигулёвский
Разгул стал мудрён.
Эх, и гордая
Удаль моя — вдовушка.
День мой —
Ретивый и горячий
Конь в бою.
Я ли да не знаю —
За что свою головушку
Буйным бурям отдаю!

ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ

ПОЖАР ПУГАЧЕВСКИЙ

Чёрная чортова ночь
Багровеет окровавленным заревом.
Дымно. Ой, горячо!
Ой!

Ишь во всю силушку-мочь
Жарит жаркое жариво —
Сам Пугачев.

Жарь!

Пали!

Раз'езжает на коне вороном.

Посвистывает весело репел.

Покрикивает задорно:

Жги, ребята,

Помещичий дом,

И развей его пепел

Во все стороны.

Жарь!

Пали!

Раз'езжает на коне вороном,

Подкашливает: Кхе-кхе...

Знай, раскатывай

Бревно за бревном,

Пока кровь на лихе.

Ох, и паздырнем!

Ну, крепостные, если вы босы,

Берите-ко вилы да косы.

Сила крестьянская,

Нам помощи.

Пойдем добывать сапоги.

Эй, голуби!
Пойдем, что ли?!

Хо-хо-хо! Дождались поры,
Хватай топоры,
Колья, вилы, дубины.
Правь именины.
Запевай—завевай.

Ой, да ой её.
Да ты не тронь её,

Не тронь долю жгучую,
А ты тронь того,
Кто нас мучает!

И-эхх!

Не робей,
Воробей,
Знай—наскакивай, бей!
Всех помещичков,
Всех дворянчиков
Ты разбей-перебей,
Воробей.

Жар.

Дым.

Гарь.

Огонь.

Бегут

мужики

за дубинами.

А конь, вороной его конь,
Так и блещет глазами-рубинами.

Не страшится конь

Вражьих погонь,

Ни ружья, ни нова меча.

Знает конь, вороной его конь,

Своего Емельяна Иваныча.

Ишь ты, игривый,

Смолевая грива.

Стой! Прррр.

Жар. Дым.

Пламя пышет.

Ветер хлеще.

Пепел глуше.

Суматоха.

Крик хмельной.

Искры стелет пеленой.
У пылающих ворот
Пьяный крепостной поет:
Эхх, уйди, не заступь.
Огонь жри, уминай,—
Возьму топор я, заступ,
Прощай, не поминай.

Загудела полоса.

Молодые голоса:

Мы ли да не пахали,

Мы ли да не терпели?

Али

По спинам березы да ели

Не гуляли в самом деле.

Нам ли

Землицы

Не следует?

Держись, люд, за Емельку,—

Получай земельку.

Ой, земля, земелюшка!

Помоги, Емельюшка.

Помоги!

Ну, ребятушки, тепло ли
У господских у хором?
Тут, где нас кнутом пороли,
Разжились мы вдруг добром.

Разжирели.

Распожарились.

Сбухты-барахты,

Охотками

Тарарах ты,—

Поешьте-ко:

За здоровье Расеи

Сжарили помещиков,

Как карасей.

Будет им пить да есть,

Да нас лупить. Мечь!

Мечь им,

Мечь!

Пожар — в разгаре.

Люди — в угаре.

Воля — в ударе.

Берегитесь, баре:

По почину Пугача
Начинаем мы с плеча.

Тррахх —

Тарарахх!

Ой, мамоньки, что делаем,

И сами не знаем:

Будет стужа —

Станет хуже,

А пока тепло-светло,

Засупонивай потуже, —

Наше дело —

Конь. Седло.

Айда!

Гей!

Эй!

Поехали — так рраз'ехались!

Не остановишь!

Жарь!

Грей коня!

Эх, широки дворянские окрестности.

Идет мужицкая гроза.

Нам довольно крест нести.

Жги.

Бунтуйся.

Бей.

Кромсай.

Эй, люд!

Бабы!

Дети!

Крепостные!

Деревенские!

Лесные!

Весь обиженный народ,
Собирайся в злой поход!

Шуми!

Галди!

Надо в матушку - Расеюшку
Насовать нам пугачей,
Чтоб крестьянскую затеюшку
Разуважить пошибчей!

Не жизнь — малина.

Не деньки — а пряники.

Ешь!

Не хочу.

Ишь ты.
Будь ты.
Да подь ты.

Чай - сухари
Едят комары.
Комары - комарики, —
Господа - сударики.

А ты дергай,
дергай,
дергай.

Арымар — хары - мар
Перегары — бар-быр.
Шпарь - да, жги - да,
Жарь - да, жри - да.
И — эхыча да эхыча,
Приехал ча да ча.

Запевай.

Ой да ой - её.
Да ты не тронь её,
Не тронь долю жгучую.
А ты тронь того,
Кто нас мучает.
И - эхх!

1924.

ИВАН БОЛОТНИКОВ

(О т р ы в о к и з п о э м ы)

Перелётным огнём

Слава ходит о нём,

Об Иване Исаиче,

По Руси

Солнцевсходом блистаючи.

Строен.

Статен.

Как дерево, высок.

Лицом прекрасен. Кстати

Кудрей завит висок.

Размашен.

Ловок.

Могуч в крутых плечах.

Серебряное слово

Звенит в густых речах.

Скажет—

Взвесит,

Подумает не зря.

Будто в хвойном лесе

Румянится заря.

Честен.

Отважен.

Ретивый на язык.

Глаза в горячем раже

Чище бирюзы.

Ходит—

Не бродит,

Несёт себя орлом.

О горестном народе

Не льёт слёз напролом,

А грудью,

Как колёсами,

Накатывает, прёт,

Плечистыми утёсами

Ворочает вперёд.

Смелый

Да весёлый.

В цветочках воротник.

Ему деревни, села—

Все подряд сродни.

Кругом,

Куда ни взглянет—

В полях мужик да конь,

А девки на поляне—

Как маковый огонь.

Кругом,

Куда ни кинет

Взор на ветхий дом—

Все бьются на мякине

Под княжеским кнутом.

Кругом,

Куда ни сдвинет

Лихую бровь дугой—

Помещик на овине

Холопов бьет ногой.

Все знает,

Видит, чувствует

По своей спине,

Как в смертном карачуне

Людей ведут к стене.

Сам не раз он

Хаживал

На скотский двор под плеть,

Чтоб ныне круче, заживо

Врагов преодолеть.

Холопья была

Таковская:

Дождаться бы поры,

Чтоб вся земля холопская

Взялась на топоры.

Хорош Иван,

Как рожь Иван—

Прокормит сверх ребра

И даст в придачу

Караван

Литого серебра.

Пригож Иван,

Видал бунты

И бури на морях,

И цепи

Скинул в океан,

И дрался в бунтарях.

Ох, и повидал же

Народишку Иванушко—

Страсть!

Из слов его даже

Можно сарафанушко

Спрясть.

Ну что ж,
 За черен нож—
 Зачнём ножом.

Гляжу:
 К ножу
 Привадны тож.

Ну что ж,
 Жить
 Будем мятежом.

Он так поёт,
 Как мы живём—

Остались бы
 Живьём.

Ох, и пожили бы
 Всласть
 С душой-подругой—

В рот те
 Пироги с севрюгой,

Блины с икрой!
 Жить охота!

 Дуй в поход! Крой!

Нам не чета,
 Да и те дуют присно.

Крой да читай,
 Что в подмётных написано:
Отныне
 Судьба на Иване—
 Ему за людей отвечать:
В его верном
 Холопском кармане
 Всей Руси золотая печать.

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ

(Отрывок из поэмы)

Кама. Место — около устья Чусовой. Закат солнца. Атаманский струг, бортовая, передняя часть которого походит на грудь лебедя. На носу пушка. Двенадцать гребцов гребут белыми веслами по эту сторону, а другие двенадцать — по ту сторону. Ермак и Иван Кольцо сидят, окруженные друзьями-дружинниками.

Д р у ж и н н и к и

(Поют под гусли)

За уральскими горами,
 За медвежьими лесами,

Во степях стоит курган.
Под жемчужными коврами,
Под святыми небесами
Лежит русский великан.
К нему ворон не летает,
Волк обходит его холм,
Буря в гости не бывает,
Не тревожит его дом.
Тишина, покой кругом.
Только жаворонок вьётся
Над курганом в синеве,
И хрустально песня льётся.
Из лазурного колодца
По степной, речной волне.
Среди русских был детина,
С Камы грозный великан,
Он налётом брал орлиным—
Устрашал издалека.
Как влетит в орду большую
И покажет свою быль,
Будто буря забушует—
Лишь взовьётся шерсть да пыль.

Свою буйную головушку
Здесь оставил великан,
Да оставил память вдовушку—
Золотой в степи курган.

Ермак

Не такая ли песня судьбы
Нас в Сибирь поведёт?
Песня в лицо—
Не обман.
А ты, скажи, атаман
Разудалых гребцов,
Ты скажи нам,
Иван Кольцо:
Думы какие
На сердце лежат,
Мысли какие тревожат?
Не камнем ли горя
Судьбою прижат?
Иль вольная воля
На Каме негожа?
Али страшен указ

Иоанна-царя

Про отпетых, про нас,

Задирай-петухов,

Изловить да повесить

Гуляй-женихов, |

Чтобы не было спеси?

Али лебедь выходит

Одна на крыльцо—

Ждёт разлитого

Ивана Кольцо?

Ты развей наш туман,

Расскажи, не тужи,

Не считайся вершиной,—

Горе-то, надо

Рассеять с дружиной.

Иван Кольцо

Судьба на огне—

Русь на войне.

А думаю—

Зря не сгорим.

Нет, не страшен указ—

Лютый гнев
Государевых глаз
Царя Грозного.
Не боязни крыло
Залегло на лице.
И не ждёт меня лебедь
На красном крыльце.
А мне страшно, что царь
Видит в нас
Только буйную тварь.
Воевода Ермак
Победит ханский мрак.
Вот что надобно знать
Государю-царю!
Аль не правду
Я вам говорю под зарю?

Дружина
Правда, Иван-атаман!
Сущая правда
Всегда хороша.
Думы, слова твои—

Наша душа,
Русская, вольная, братская.
Мы—не разбойники,
Мы—не ушкуйники—
Дружина казацкая,
Ратные люди.
И наш воевода
Бывалый Ермак—
Он храброго, гордого рода.
Слава атаманам
Ермаку, Кольцо!

Ермак

Слава дружине—
Надёжное братство.
У Кучума в Сибири
Большое богатство.
Награбил, слышь, горы.
Всего благодать.
Не пора-ли, кучумские воры,
Богатство отдать
Русской казне,

Да заодно и прибавить
Зауральскую ширь
К русской земле.
Эй, дружина моя!
Удалая краса!
Пусть несут
Нас к победам
В Сибирь паруса.
Авось царь и увидит—
Чей щит и меч
И кому он хотел
Снести головы с плеч.
А Иван-то^о Васильевич
Мудрый у нас—
Русь собирает,
Крепит про запас.
Ратных людей
Почитает дарами.
Поможем Москве.
Мы-то как-раз
Не за горами.
Вот уже близок Урал.

Лишь бы Строганов

Помощь нам дал.

Появляется посол Строганова. Подносит Ермаку хлеб-соль на подвесе.

П о с о л

Бью челом именитым,

Коренным атаманам,

Ермаку Тимофеевичу,

Ивану Кольцо

И всей ратной дружине.

Послал меня Строганов

Встретить могучих гостей

Хлебом-солью—дарами,

Земными поклонами.

Сам он на струге сидит

У городка под хоромами

Да вас ожидает,

Как отец сыновей.

А на ратное дело

Приказал отпустить

Из обильных амбаров

Сколько надо
Военных товаров,
Сколько хватит душе,
Атаманским очам,
Богатырским плечам.

Ермак

За честь благодарствую,
За щедрость хозяйскую,
За дружбу в почине.
Ему торговать—
Нам воевать.

На то мы и в чине.
А есть у вас пушки?

Иван Кольцо

А есть у вас порох,
Копья, ядра, пищали?
А есть у вас кони,
Сёдла, ремни?
А есть у вас овчины,
Одежда, обулки?

А есть у вас хлебушко,
Говядина, рыба?
А есть у вас брага, вино?

П о с о л

Всё есть с избытком,
Как в сказках бывает.

Е р м а к

Чует сердце — не зря
Воды Камской испил
Не зря эту Каму
Душой полюбил.
Вот она — скатерть
Лежит самобранная.
Радугой светит
Река семигранная.
Приголубила всех,
Голубая краса.
Ветер с нами плывёт
И поёт в парусах.

Кама счастье сулит
 На сибирский поход.
Кама благословит
 Вечный русский народ.
Пусть взовьются в бою
 Кудри буйных голов.
А мы песню свою
 Пропоем и без слов.
Просвистим соловьём,
 Пронесёмся конём.

СОДЕРЖАНИЕ

Творческий путь Василия Каменского.—Ст. Б. Корнеева	3
Весна [сорок четвертого года	
Победный май	11
Народное дело	14
Севастополь	16
Славлю отчизну мою	
Юность советская	18
Урал	26
Поэма о Каме	36
Не могу без Тбилиси	45
Юность Маяковского	48
Из исторических поэм	
Степан Разин	
Дрожат берега	56
Сарынь на кичку	57
Вершинный завет	59
Емельян Пугачев	
Пожар пугачевский	62
Иван Болотников (Отрывок из поэмы)	71
Ермак Тимофеевич (Отрывок из поэмы)	76

Редактор Б. Корнеев

Подписано к печати 27 декабря 1944 г.

Объем 2³/₄ печ. листа.

В 1 печ. листе 299·2 тип. знака

Заказ № 2502

Тираж 5000

У909925

Типография им. Д. Ф. Мясникова издательства „Заря Востока“, Тбилиси, пр. Руставели, 3а

6 руб.

17